

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-18-40

Коннекторы с причинным значением в японском языке: опыт изучения на переводном материале

С.В. Чиронов

Аннотация. В статье для изучения употребления средств вербализации каузальных отношений в русско- и японоязычном дискурсе впервые применяется сравнительный анализ текста пьесы А.П. Чехова и его перевода на японский язык. Обращает на себя внимание резкое расхождение выявленной дистрибуции сочетаний средств маркирования таких связей – коннекторов в изученных текстах и теми, что зафиксированы в двуязычных словарях. Значительный фактор здесь – более полная представленность в дискурсе средств маркировки когнитивных, иллюкутивных и метауровней использования коннекторов, уже описанных в лингвистической литературе. Широчайше представленные перекрестные соответствия между лексемами в исследуемом материале подтверждают превалирование прагматических факторов над семантическими в употреблении конкретных коннекторов в дискурсе. Эта их черта оказывается довольно полезной для переводчика, помогая с помощью красноречивых деталей речевого поведения создать образ героя при компенсации неизбежных лакун в прочих выразительных средствах.

Анализ выявил и существенные расхождения в тенденциях эксплицитного маркирования причинно-следственных связей между русско- и японоязычным дискурсом. Как следует из полученных данных, японцы весьма активно ссылаются в речи на каузальные отношения, тем самым подкрепляя свою аргументацию. Это делается и через отсылку к «железной» внешней логике (тем самым говорящий подчиняет действия своего визави обобщенному здравому смыслу), и через апеллирование к собственным обстоятельствам (что включает механизмы эмпатии и задействует глобальную ориентацию на кооперабельность речевого и социального поведения). Русским, наоборот, свойственно всячески прятать, ретушировать причинно-следственные связи в речи – в этом проявляется и меньшая ориентация на аккомодирование собеседника, и своеобразная высококонтекстность языковой культуры. Ранг соответствующих маркеров понижается до обобщенных показателей следования (типа И) или вообще до нуля; заметное исключение здесь – А ТО, апеллирующее к негативным последствиям невыполненного побуждения. Обнаруженные диспропорции, разумеется, носят предварительные характер и требуют подтверждения на более широком материале, включая использование двуязычных корпусов.

Ключевые слова: японский язык, коннектор, причинность, перевод, корпус, коммуникативная тактика.

Автор: Чиронов Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО-Университета МИД России (адрес: Москва, 119454, проспект Вернадского, 76); E-mail: chironov@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чиронов С.В. Коннекторы с причинным значением в японском языке: опыт изучения на переводном материале // Японские исследования. 2023. No 2. С. 18–40. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-18-40

Causality connectives in Japanese: A translation-based study

Abstract. This paper uses an ad hoc corpus of an acknowledged translation of a play by Anton Chekhov to study means of expressing causality in Russian and Japanese discourse. Lexemic distribution of corresponding connectives in the bilingual text appears to be much wider and less ordered than that of the dictionary, reflecting trends in cognitive, illocutionary and meta-use of connectives, that have been broadly acknowledged in linguistic literature. This study confirms a consistent feature of connectives as being pragmatically, rather than semantically determined, resulting in a broad and various distribution. On the other hand, pragmatically oriented connectives become a powerful help for the translator who generally seeks additional means to cover up inevitable lacunae between two linguistically rooted mental realities.

The most striking discovery, however, lies in the obvious disproportion of referring to causality in spoken speech between Russian and Japanese speakers. The Japanese appear to make extensive use of explicit causality relations in order to strengthen their stance vis-à-vis their counterpart in conversation. This is performed either through appealing to universal logic or eliciting compassion to one's personal circumstances, thus exploiting a mindset strongly favoring rationality while playing for empathy under the cooperation maxim. Contrarily, Russians, generally less accommodating and in a high-context language game of a different sort, seem set on downplaying references to causal relations, relegating them to vaguer types of connectives (AND type) or omitting them completely, with one notable exception in mention negative results of an undesired action. This tentative conclusion, of course, awaits confirmation on a wider range of newer data, calling for further study in the field of contrastive rhetoric and creation of more bilingual corpora.

Keywords: Japanese language, connective, causality, translation, corpus, communicative tactics. **Author:** Chironov Sergey Vladimirovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Japanese, Korean, Indonesian, and Mongolian Language, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (address: Russia 119454, Prospekt Vernadskogo, 76). E-mail: chironov@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of conflict of interest.

For citation: Chironov, S.V. (2023). Konnektory s prichinnym znacheniem v yaponskom yazyke: opyt izucheniya na perevodnom materiale [Causality connectives in Japanese: A translation-based study]. Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia], 2023, 2, 18–40. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-18-40

Введение

С февраля 2021 г. доступ к открытой части корпуса письменных источников современного японского языка был закрыт, как сообщили его создатели в Национальном институте родного языка, по соображениям безопасности.

В связи с этим программа исследований служебных элементов японского языка на широком материале, частью которой является настоящая работа, получила несколько иное направление. Позже ограничения были сняты, хотя для полного восстановления пользовательского функционала потребовалось еще некоторое время. Но тем не менее это показало актуальность обращения в исследованиях к создаваемым ad hoc корпусам, в том числе переводным [Нестеренко 2019].

Опыт исследований такого рода имеется. В паре языков японский-русский – это прежде всего работы И.И. Басс [Басс 2015], в которых прослеживаются закономерности организации русско- и японоязычного текста в сравнении. Отдельные начинания на этом пути проделывали и мы [Чиронов 2013]. Хотя ни в этих, ни в каких-либо иных работах вопрос не ставится как выделение значений исключительно из перевода, тем не менее продуктивность контрастивных

исследований как одного из путей более многогранного изучения языковых явлений не подвергается сомнению (см. блестящие работы в этом русле [Семантика коннекторов...; Altenberg 1999]).

Изучение коннекторов как функционально определяемых единиц в речи, эксплицирующих логические связи между фрагментами текста (дискурса), в режиме межъязыковых сравнений с привлечением японских данных пока носит, насколько можно судить, фрагментарный характер. Среди работ на эту тему – [Hohenstein 2005], где, среди прочего, делаются важные выводы о различиях между ожиданиями коммуникантов, связанными с определенными прагматическими стереотипами носителей языковых культур.

В настоящей работе к изучению привлекается единственное произведение – «Чайка» А.П. Чехова в одном лишь переводе японского автора, считающемся, правда, на сегодняшний день классическим [Чехов 1986; Kanzai]. Возможные возражения в устаревании материала мы считаем допустимым преодолеть ввиду того, что текст оригинала (в силу нашей собственной языковой интуиции) не кажется нам ничуть устаревшим (любые моменты, где такое впечатление может сложиться, впрочем, специально оговариваются отдельно). Собственно, японский перевод, выполненный значительно позднее, в ряде случаев кажется более состаренным, что отчасти объяснимо пропорционально более значительными изменениями, которые пережил японский в сравнении с представленным в пьесе разговорным русским языком. Тем не менее, в качестве перевода перед нами – по-прежнему современный и живой японский язык, даже (по мнению нашего информанта-носителя) если и принадлежащий скорее к относительно более возрастной категории – тогда как речь молодежи, конечно, в обоих случаях звучит иначе.

Более серьезный методологический вопрос вызывает, бесспорно, ограниченность источника. Мы безоговорочно признаем, что окончательные сколь-нибудь репрезентативные данные такого рода должны быть получены из многих переводов, в том числе разных версий переводов одних и тех же произведений. Однако с учетом характера исследования (скорее относимого к этапу постановки проблемы), доступа к материалу (ограниченного онлайн-ресурсами), а также объема информации, вскрывшегося при обработке даже одного доступного источника, на данной стадии мы считаем допустимым сконцентрироваться на этих лишь условно всеохватных данных.

Объект исследования

Итак, как же был выстроен объект исследования? Из наших прошлых работ примерно ясен круг единиц, отвечающих за соединение отрезков дискурса, между которыми при таком соединении манифестируются отношения обусловленности, а именно причинности. В целом мы понимаем причинность (прямую каузальную связь между реальными событиями) как одну из семантических подобластей в «ромбе» отношений обусловленности, куда входят также условность (прямая каузальная связь, гипотетические события), обратная условность или уступительность (обратная каузальная связь, гипотетические события) и противительность (обратная каузальная связь, реальные события) [Maeda 2009; Nihongo... 2008].

С учетом того, что речь в данном случае идет о переводе с русского языка на японский, вначале мы «прочесали» словник наиболее полного и уважаемого в том числе в переводческом сообществе русско-японского словаря [Togo et al. 2003] на предмет соответствий, предъявляемых для релевантных русских единиц. Найденные соответствия представлены ниже в таблице 1 (курсивом – выделены слова, не встретившиеся ни разу в чеховском тексте и его переводе).

Таблица 1. Соответствие между коннекторами в словаре:

	<i>N-ni tsuki</i>	<i>yue-ni</i>	<i>tame</i>	<i>node</i>	<i>Te(de)</i>	<i>(da)kara</i>	<i>nanishiro</i>	<i>noda</i>	<i>Wake de</i>	<i>Naze nara (ba)</i>	<i>(N no) kekka</i>	<i>sorede</i>	<i>seide</i>	<i>okagede</i>	<i>Ni yotte</i>	<i>(N no) amari</i>	<i>ja</i>	<i>(toiu) koto da</i>
<i>ввиду</i>	=	=																
за (что)			=	=	=													
и					=													
потому		=			=				=									
потому что				=		=				=								
потому как				=														
ведь			=			=	=											
дело в том								=										
так как				=														
<i>так что</i>			=			=					=							
так						=						=						
а то						=												
стало быть						=											=	
из-за			=		=								=					
от			=		=	=										=		
оттого		=				=												
<i>благодаря</i>				=							=			=	=			=
значит																		=
<i>следовательно</i>						=		=										

Составлено по: [Togo et al. 2003]

Далее был предпринят сплошной подсчет вхождений по единицам русского оригинала и их переводных эквивалентов. После этого для последних были найдены и подсчитаны также и прочие исходные соответствия, не фигурировавшие по структурным или иным причинам в словаре. При этом мы подходили к определению коннектора максимально широко, считая потенциально подходящим для этого класса любой «функционально эквивалентный фрагмент» [Семантика коннекторов...], включая, например, грамматические формы сказуемых. Подобная процедура была повторена, пока наконец среди вновь привходящих элементов не осталось лишь очевидным образом уходящих за рамки исследуемого круга значений. Подобные вхождения устранялись из подсчета вручную. В результате можно утверждать, что в поле зрения нашего обзора попало все множество коннекторов со значением логического следования, за исключением гипотетических случаев неких уникальных соответствий, не появляющихся в перекрестных сочетаниях с другими. Также нельзя гарантировать, что нам удалось выделить все случаи бессоюзного оформления причинной связи в русском языке, что потребовало бы значительной дополнительной ручной обработки текста, создав множество случаев с допустимыми неоднозначными трактовками. Так или иначе, результирующая таблица разительно отличается от исходной:

Таблица 2. Соответствия между коннекторами в адхоковом корпусе.

	0	te/de	kara	dakara	kara + koso	no dakara	mon(o) dakara	mono	mon(o) de	n(o)de	n(o)da	sokode	sorede	okagede	datte	nanishiro/na-nise	jitsuwa	wake da	wake de	suruto	ja	shi	ИТОГО
0	?	1	34	2		5		5	4	9	7		2			1		3		1		1	85
ДЕЕПР СВ		1																					
ДЕЕПР НВ		1																					
и	7	3	4	8		2	3	1	2	2		4	2	1						2			44
потому что			3 ¹		1																		
ведь	2		1					1							1	1		1					16
дело в том											1 ²						1						
так как			1				1		2			1											5
потому				1			1						1										
за (что)			1																				
так												1									1		
так вот				1															1				
и так																			1				
тут и												1											
(как и)																		1					
вот и							1					2	2										
вот				1																			
а			1	1						2			1								1		
а то	6		2																				4 ³
ну																					1		
чтобы			1				1																
значит											1							1		2	3		
стало быть	1																						
из-за														1									
от								1															
оттого														1									
(др)	16			1						1	+												

Составлено по: [Togo et al. 2003].

Содержательная сторона полученных данных

Перейдем к рассмотрению содержательной стороны полученных данных. Первое и главное отличие между таблицами – разная степень их заполненности. В таблице 2 ощутимо меньше уникальных соответствий. Причина – в сложной семантической структуре коннектора, несущего многогранную процедурную информацию. В таковую, в силу конвенциональной дифференциации коннекторов по среде употребления, входят такие показатели, как

коммуникативный уровень связи (пропозициональная, иллокутивная или метадискурсивная [Инькова 20196]), оценка говорящим каждого релята, соотношение старой и новой информации и прочее [Апресян 2003]. Все эти параметры, разумеется, невозможно покрыть в обычной словарной статье. Но в употреблении языка их, тем не менее, приходится учитывать.

Обращает на себя внимание отсутствие фиксации в словарях вариативных речевых реализаций коннекторов, к которым могут присоединяться различные служебные элементы, в том числе анафорического характера [Структура коннекторов...]. Прагматическое, или процедурное, в терминах теории релевантности [Blakemore 2002] значение коннектора, однако, от этого меняется, то есть, адресату сообщается несколько иная информация не только о том, какого рода связь говорящий усматривает между описываемыми явлениями, но и о том, с какой целью об этом упоминается. Так, используя *monodakara*, характерное для отговорки, выражения себя, выпрашивания согласия со своей позицией от адресата [Maeda 2009], переводчик блестяще дифференцирует резонерские рассуждения героя в том, что касается партнера и его самого:

С о р и н . Вы сыты и равнодушны и <u>потому</u> имеете склонность к философии, я же хочу жить и <u>потому</u> пью за обедом херес и курю сигары и все. Вот и все.	ソーリン あんたは腹がいっぱいで、泰然と構えていなさる。 <u>それで</u> 哲学に興味をもちなさる。ところが僕は、 <u>生きたいものだから</u> 、夕食にシェリー[酒]をやったり、シガーをふかしたり、とまあいった次第でさ。それだけの事です。
--	--

Еще более разительное отклонение от базового *kara* представляет собой *n(o)dakara* (курсив?), маркирующее речевое поведение коммуниканта, безапелляционно навязывающего свою точку зрения партнеру [Maeda 2009]. См. виртуозное использование этого средства переводчиком, воссоздающим таким образом настрой говорящего, местами, но не всегда, проскальзывающий в лексическом обрамлении высказываний:

М е д в е д е н к о . Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гавриловича. Они влюблены друг в друга, <u>и</u> сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. [жесткая ирония, говорится чуть ли не с вызовом]	メドヴェージェンコ そう。出演はニーナ嬢で、脚本はトレブレフ君の書きおろし。ふたりは恋仲 <u>なんだから</u> 、今日はふたりの魂が融合して、同じ一つの芸術的イメージを、ひたすら表現しようという寸法でさ。
П о л и н а А н д р е е в н а . <u>Пустяки</u> [отмечается кокетство Дорна], для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились <u>и</u> еще нравитесь женщинам.	ポリーナ <u>そんなこと</u> ——男の場合、年寄りのうちに、はいらないわ。まだそのとおりの男前 <u>なんだから</u> 、結構おんなに持てますわ。

Содержательные несовпадения между данными

Чрезвычайно любопытны содержательные несовпадения между данными таблиц, то есть, фактически – между фиксированной словарем нормой и реальным узусом. Главное, о чем это говорит, – «облачное» устройство значения лексических единиц, при соблюдении некоторых «стержневых» параметров употребления «вставляемых» в очень разнообразные контексты. Притом надо признать, что при затруднительности до конца алгоритмизировать этот процесс, оставляющий некий люфт для языкового творчества, далеко не всегда такие неучтенные в словаре контексты составляют секрет для лингвистических описаний. Так происходит, например, с ироничным употреблением *okage* = *благодаря*, имеющим место в обоих языках, но не «кодифицированным» словарем. Степень конвенциональности такого употребления,

впрочем, ощутимо различается между языками, что, видимо, позволяет переводчику «односторонне» использовать это средство для японского языка, где использование этого коннектора передает досаду, иронию или сочувствие говорящего не прямо, а довольно тонко – в примере ниже, более того, это еще и компенсирует, видимо, возможный «недобор» иронии в переводе предыдущего предложения:

Т р е п л е в . <u>Благороднейшая</u> личность! Вот мы с тобою почти ссоримся <u>из-за</u> него, а он теперь где-нибудь в гостиной или в саду смеется надо мной и над тобой, развивает Нину, старается окончательно убедить ее, что он гений.	トレープレフ 人格の高いりっぱな人か! やっこさんのおかげで、このとおりの母子(おやこ)げんかになりかけてるというのに、今ごろご本人は客間か庭のどこかで、われわれをせせら笑っていることでしょうよ.....
---	--

Напротив, в единственном случае использования «по словарю» в итоге оказывается, что автор недвусмысленно подтрунивает над героиней:

А р к а д и н а . Чтобы я позволила себе выйти из дому, хотя бы вот в сад, в блузе или непричесанной? Никогда. <u>Оттого</u> я и сохранилась, что никогда не была фефелой, не распускала себя, как некоторые... (<i>Подбоченясь, прохаживается по площадке.</i>)	あし家を出るにしたって、よしんば、ほら、こうして庭へ出る時でも、——ブルーズのまま髪も結わずに、なんてことがあったかしら? とんでもない。わたしがこうしていつまでも若くていられるのは、そこの連中みたいにぐうたらな真似をしたり、自分を甘やかしたりしなかったおかげですよ。
--	--

То, что такое неканоническое использование коннектора в реальном речевом произведении преобладает над каноническим (для *okage* это 3 вхождения из 4), показывает, насколько в живой коммуникации важен и ценится элемент косвенности и языковой игры.

Еще одно объективное соответствие, не отфиксированное словарями, но описанное (по отдельности) в литературе – пара *так как* и *мон(о)(da/de)*, используемая для ссылки на некие «объективные причины»:

А р к а д и н а ... Несчастливая девушка в сущности. Говорят, ее покойная мать завещала мужу все свое громадное состояние, все до копейки, и теперь эта девочка осталась ни с чем, <u>так как</u> отец ее уже завещал все своей второй жене.	アルカージナ 気の毒な娘さんだこと、まったく。人の話だと、あの子の母親が亡くなる前、莫大な財産を一文のこらず、すっかりご主人の名義に書きかえたんですって。それを今度はあの父親が、後添いの名義にしまったもので、今じゃあの子、はだか同然の身の上なのよ。
--	--

Конечно, перевод не может служить решающим критерием трактовки значения, но на нашем материале он подтверждает, что ряд «кружных» способов выражения, высвечивающих те или иные периферийные черты ситуации, сводится к глубинной причинности. К ней в результате переводческих трансформаций успешно сводится целевая конструкция (притом что в японском, судя по всему, подобных конструкций с «вторичным» показателем цели, в отличие от русского и ряда западноевропейских языков, нет).

Н и н а . Я слишком проста, <u>чтобы</u> понимать вас.	ニーナ わたし単純すぎる <u>もんだから</u> 、あなたの考えがわからないの。
Н и н а . А я хотела бы побывать на вашем месте.	ニーナ わたしは、ちよいちよいあなたと入れ代りになってみたいわ。
Т р и г о р и н . Зачем?	トリゴーリン なぜね?
Н и н а . <u>Чтобы</u> узнать, как чувствует себя известный талантливый писатель.	ニーナ 有名な、りっぱな作家が、どんな気持ちでいるものか、知りたい <u>から</u> ですわ。

Наблюдаемые случаи преимущественных соответствий, не покрытых словарем, включая, например «подводящее к выводу» *значит* = *ja*, без сомнения, должны стать материалом для усовершенствования словарных статей в будущем. При этом, наверное, необходимо отталкиваться от представления о коннекторе именно как о функционально определяемой, морфологически нечеткой единице, чтобы преодолеть некоторую инерцию изоморфизма в подборе эквивалентов, убедительно опровергаемую удачно подобранными переводчиком «транскатегориальными» соответствиями:

Н и н а . Меня ждет папа.	ニーナ パパが待ってますから。
А р к а д и н а . Какой он, право... (Целуются.) Ну , что делать. Жаль, жаль вас отпускать.	アルカージナ なんてパパでしょうね、ほんとに..... (キスを交す)じゃ、仕方がないわ。お帰しするの、ほんとに残念だけれど。
Т р е п л е в . Когда меня нет, ей только тридцать два года, при мне же сорок три, и за это она меня ненавидит.	トレープレフ 僕がいなけりゃ、あの人は三十二でいられるが、僕がいると、とたんに四十三になっちゃう。 <u>だから</u> 僕が苦手なんですよ。

Нулевые соответствия

Наибольший интерес вызывают случаи нулевых соответствий в таблице 2. Здесь накладываются, а вернее, происходят одна от другой две проблемы. Первая из них – феномен факультативности коннектора, который призван лишь эксплицировать, но не устанавливать логические связи между элементами текста, очевидным образом существующие (и считываемые адресатом сообщения, другое дело – как) помимо усилий говорящего. Возможность обходиться без коннекторов, по видимости, сильно зависит от типа логических отношений между фрагментами высказывания, но в зоне причинности мы, можно с уверенностью сказать, имеем дело с такой ситуацией, когда логическая связь объективно существует помимо того, будет она или нет сигнализирована говорящим, причем не только при прямом, иконичном порядке описания (от причины к следствию: *Переохладился и заболел.*), но и обратном (*Я заболел. Вчера переохладился.*). Отсюда вхождение во многих, если не во всех, языках в число функционально эквивалентных фрагментов причинности различных типов деепричастных (конвербных) оборотов [Alpatov 2020] и соединительных союзов (что, впрочем, годится лишь для случаев прямого, иконичного порядка):

<u>Боясь</u> , чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно.	お前のなかに、命の目ざめるのを恐れて、永遠の物質の父なる悪魔は、分秒の休みもなしに、石や水のなかと同じく、お前のなかにも、原子の入れ換えをしている。
---	--

Собственно, заметим с некоторым опозданием, невозможностью исчерпывающе отметить все подобные случаи и объясняется знак вопроса в клетке таблицы 2 с пересечением немаркированных соответствий: их ручной подсчет, используй для этого более одного эксперта, привел бы к множественным спорным случаям и все равно не дал бы окончательного однозначного результата.

В силу этой факультативности вступает в действие индивидуальная логика каждого языка, состоящая в том, в каких ситуациях (в условиях некоторой избыточности выражения причинных отношений) коммуниканты будут использовать эти показатели, какие коммуникативные цели они при этом будут преследовать. Именно этим можно объяснить значительные расхождения между языками – см., например, данные о том, что общее число

коннекторов меньше в немецком тексте выступления, чем в английском в два раза [Hohenstein 2005, p. 298]! Это и есть вторая проблема из названных.

Что касается нашего случая, то здесь общая тенденция такова, что, как видно из таблицы, нулю в русском гораздо чаще соответствует коннектор в японском, чем наоборот. Конечно, прежде всего, у этого явления есть структурные корни. Порядок составляющих в предложении в японском языке имеет двойную обусловленность – синтаксическую и прагматическую. По первому критерию подчиненное всегда должно предшествовать главному. Однако с точки зрения организации речи, и прежде всего принципа «от известного к неизвестному» (в адресат-ориентированном варианте построения высказываний) преобладает обратная последовательность «следствие – причина». Она же, кстати, получается и при ориентации говорящего на свое собственное удобство, если ему важно как можно быстрее донести тезис до сознания адресата, обеспечив максимальное воздействие на его сознание, и уже потом (в онлайн-овом порядке, в частности, считывая возможные колебания на стороне своего визави) расширять заданный ранее тезис через предъявление аргументации задним числом. Последние варианты синтаксически совершенно нормальны для русского текста, но в японском вызывают ощущение парцелляции. Даже в цепочке отдельных предложений сохраняется необходимость маркирования второго отрезка, что позволяет стабилизировать синтаксическую конструкцию в глазах коммуникантов (см. пример с добавлением коннектора в постпозиции):

Н и н а . Это какое дерево?	ニーナ これ、なんの木?
Т р е п л е в . Вяз.	トレープレフ これの木。
Н и н а . <u>Отчего</u> оно такое темное?	ニーナ どうして、あんなに黒いのかしら?
Т р е п л е в . Уже вечер, темнеют все предметы.	トレープレフ もう晩 <u>だから</u> 、物がみんな黒く見えるのです。

То, что японская речь в большей степени предполагает специальную антиципационную разметку (например, полностью артикулируемый вопрос, перед следующим за ним ответом), детерминирована положением грамматических показателей, группирующихся в правой части предложения, в потоке речи воспринимаемых последними. Тем самым добавочная маркировка придаточного причины компенсирует непрозрачность прагматической направленности звучащего отрезка для адресата сообщения: *naze nara* = *если [спросить] почему [так]*, ср. также широко распространенные *dooshite ka to iu to* = *если сказать почему так*. Это явление отнюдь не чуждо русскому языку, но распространено, по всей видимости, гораздо слабее (см. разговорные препозиционные обороты типа *Я что хочу сказать...*, *Дело вот в чем*, – чья степень приемлемости резко понижается при переходе в формальный регистр):

Д о р н Я что хочу сказать? Вы взяли сюжет из области отвлеченных идей. Так и следовало, <u>потому что</u> художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно.	ドールン僕の言いたいのはね、いいですか——君は抽象観念の世界にテーマを仰いだですね。これはあくまで正しい。なぜなら、芸術上の作品というものは必ず、何ものか大きな思想を表現すべきもの <u>だからです</u> 。真剣なものだけが美しい。
--	---

Данная ситуация порождает феномен двойного маркирования, сходного с рамочными конструкциями (при значительной факультативности обоих элементов) в других языках, например, в китайском. Упомянутая особенность вовсе не ограничивается «отзеркаливаемыми»

вопросами. Это могут быть и специальные наречные модификаторы, например (для самой причинной клаузы) – *nanishiro/nanise*, привлекая внимание к обстоятельствам говорящего, указывающие на его желание заручиться пониманием адресата:

А р к а д и н а . Да, у меня есть деньги, но <u>ведь</u> я артистка; одни туалеты разорили совсем.	アルカージナ それはわたしだって、お金のないことはないけれど、 <u>なにせ女優ですもの</u> ね。衣装代だけでも身代かぎりしちゃうわ。
--	---

Аналогичную функцию, особенно при финальном *noda* с его относительно широким дискурсивным функционалом, играет *jitsuwa* – маркер «важной информации», которая, по мнению Г, должна представлять интерес для А:

Д о р н . Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. <u>Дело в том, что</u> Константин Гаврилович застрелился...	ドールン どこかへアルカージナさんを連れて行ってください。 <u>じつは</u> 、トレープレフ君が、ピストル自殺をしたんです。.....
--	---

Как видим, маркирование указания на причину продолжается в японском все время до окончания соответствующего блока в речи. При этом не только не требуется оформление этой части подчиненным придаточным, но и допускается наложение многих отдельных выражений, порой с вторичными логическими связями между ними, каждой из которых, так или иначе, помечено как обоснование приведенного ранее тезиса (дискурсивная каузальность):

Т р е п л е в . <u>Отчего?</u> Скучает... Ревнует. Она уже и против меня, и против спектакля, и против моей пьесы, потому что ее беллетристу может понравиться Заречная.	トレープレフ なぜかって? 淋しいんですよ... 妬けるんです。おっ母さんはてんからもう、この僕にも、今日の芝居にも、僕の脚本にも、反感を持ってるんだ。というの、演(や)るのが自分じゃなくて、あのニーナさんだからなんです。
--	---

Такого рода маркирование для русского коммуниканта едва ли было приемлемо, ср. «исправленный» вариант уже приведенного выше отрывка:

Н и н а . Это какое дерево?	ニーナ これ、なんの木?
Т р е п л е в . Вяз.	トレープレフ にれの木。
Н и н а . Отчего оно такое темное?	ニーナ どうして、あんなに黒いのかしら?
Т р е п л е в . { <u>Потому что/ Ну так/ Так ведь</u> } Уже вечер, { <u>вот и</u> } темнеют все предметы.	トレープレフ もう晩 <u>だから</u> 、物がみんな黒く見えるのです。

В русском, как можно убедиться, такого рода дотошное маркирование было бы характерно для контекстов, где говорящий чувствовал бы раздражение, нетерпение перед непонятливостью или излишними вопросами собеседника. В японском Костя разве что на оттенок более покровительственен к Нине, нежели в оригинале, в чем, однако же, нисколько не отклоняется от гендерной медианы.

Надо сказать, что рассматриваемое явление двойной маркировки имеет, очевидно, свои прагматически оправданные границы. Чрезмерность в ней может восприниматься как проявление определенного эмоционального состояния, нажимный характер изъяснения.

См. пример, где переводчик использует это излишество для выражения такого настроения, передаваемого в русском оригинале повтором местоимения – прием, сложно переносимый в таком же виде в японский текст:

А р к а д и н аЕвгений Сергеевич, кто из нас моложе?	アルカージナ ...ね、ドールンさん、どっちが若く見えて？
Д о р н . Вы, конечно.	ドールン あなたです、もちろん。
А р к а д и н а . Вот-с... А <u>почему?</u> <u>Потому что</u> я работаю, я чувствую, я постоянно в суе, а вы сидите все на одном месте, не живете...	アルカージナ そうらね.....で、なぜでしょう？ それはね、わたしが働くからよ、物事に感じる <u>からよ</u> 、しょっちゅう気を使っている <u>からよ</u> 。

Еще одно общезыковое объяснение нулям в колонке русских эквивалентов – слабое развитие маркирования иллокутивной причинности [Инькова 2019], то есть специального выделения обоснований для таких речевых актов не констатирующего свойства, как комиссивы (обещаний и сообщений о своих действиях), бегахитивы (выражений отношения) и даже выражения суждения [Austin 1962]. Для них мы видим устойчивое соответствие японского *kara* обоснования высказывания нулю в русском. При этом порядок фраз всегда фиксирован – обоснование в нем появляется уже после основного высказывания:

М а ш а . Вот и рассердили. Надо было приставать! [выражение эмоций]	マーシャ ほら、怒らしちゃった。うるさくする <u>からよ</u> ！
Т р е п л е в (матери). Не пугайся, мама, <u>это не опасно</u> . [побуждение]	トレプレフ (母親に)びっくりしないで、ママ、べつに危険はない <u>から</u> 。
Т р е п л е в . Останьтесь, я дам вам поужинать... [побуждение]	トレプレフ ゆっくりして行って、夜食ぐらい出すから.....
М е д в е д е н к о . Жалко. Уже третью ночь без матери. [выражений отношения]	メドヴェージェンコ 可哀そうだ。もうこれで三晩、おっ母さんの顔を見ない <u>んだから</u> な。
А р к а д и н а (усаживая ее возле). Не конфузьтесь, милая. <u>Он знаменитость, но у него простая душа</u> ! Видите, он сам сконфузился.	アルカージナ (彼女を自分のそばに坐らせながら)そう固くならないでもいいのよ。有名な人だけれど、気持のさっぱりしたかたですからね。ほら、あちらが却って、あがってらっしゃるわ。

Определенная часть таких высказываний принадлежит тем, кто, находясь в положении, позволяющем им высказываться без возможных возражений, добавляют некую смысловую «подпорку», сугубо необязательную, к своим основным словам, но, будто бы компенсируя себе это усилие, уже не берут на себя труд эксплицировать логические связи между фрагментами. В условиях довлеющей препозиции тезиса и постпозиции обоснования эта «нестрогая» смысловая конструкция получает широчайшее распространение далеко за пределами пар подчинивший-подчиненный, как в примерах:

Я к о в . (Треплеву). Мы, Константин Гаврилыч, купаться пойдем.	ヤーコフ (トレプレフに) 若旦那、[わっしら]ちよいと一浴びしてきます。
Т р е п л е в . Хорошо, только через десять минут будьте на местах. (Смотрит на часы.) Скоро начнется.	トレプレフ いいとも。だが十分したら、みんな持ち場にいてくれよ。(時計を見て)もうじき始まり <u>だから</u> な。

Я к о в (<i>убирая со стола</i>). Удочки тоже прикажете уложить?	ヤーコフ (テーブルの上を片づけながら) 釣竿もやはり入れますんで?
Т р и г о р и н . Да, они мне еще понадобятся.	トリゴーリン そう、あれはまだ要るからね。

Явление это, конечно, не просто классовое. Так разговаривает не только хозяин со слугой, но и с отцом – дочь, которой «все должны», обиженный сын – с матерью, будирующий воздыхатель – со своим объектом. Это – даже не чеховское, а никуда не девавшееся несмотря на все потрясения наше родное:

А р к а д и н а (<i>сыну</i>). Костя, оставь свои рукописи, пойдем есть.	(息子に) コースチャ、原稿はやめて、食堂へ行きましょう。
Т р е п л е в . Не хочу, мама, я сыт.	トレープレフ 欲しくないよ、ママ、おなかがいっぱいだから。
Н и н а . Какие у него чудесные рассказы!	ニーナ あの人の小説、すばらしいわ!
Т р е п л е в (<i>холодно</i>). Не знаю, не читал.	トレープレフ (冷やかに) 知らないな、読んでないから。

Интересна роль выдвигаемого задним числом аргумента в тех высказываниях, где он оформлен «голым» *kara*. В отличие от варианта с *n(o)dakara*, роль сентенции как новой информации для адресата принижена, в то же время сама цель сообщения уже обозначена в первом отрезке до того:

М а ш а (<i>отцу</i>). Папа, позволь мужу взять лошадь! Ему нужно домой.	マーシャ (父親に) パパ、うちの人に馬を出してやってちょうだい! うちへ帰らなくちゃならないんだから。
А р к а д и н а . Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда, на стол. Мы будем играть и пить.	アルカージナ 赤ブドウと、トリゴーリンさんのあがるビールは、このテーブルに置いてちょうだいな。ロトーをしなから飲むんだからね。

Получается, что с *kara* эта информация по сути сообщается во многом лишь для того, чтобы, показав свою возможность бесцеремонно выдвигать тезис, не обозначая его логической привязки к соседнему фрагменту высказывания, утвердить свой контроль над реализуемым дискурсом. Впрочем, мало чем отличается от такой модели речевого поведения и тактика коммуникантов в приведенных примерах с *ndakara*, где адресата, по сути, не должна особо интересоваться та новая информация, которая ему предоставляется.

В меньшей степени бессоюзная связь в русском покрывает соответствия с маркированной причинностью и при прямом, а не обратном порядке следования отрезков. Здесь мы видим куда меньший разрыв в речеактовом статусе релятов, фактически можно говорить уже не столько об иллюкутивной, сколько о пропозициональной причинности. Вхождений таких мало, и они в основном принадлежат персонажам-женщинам, которые пытаются вразумить собеседников-мужчин (ситуация, в которой аргументация изначально может оказываться не очень востребованной и не слишком эффективной):

П о л и н а А н д р е е в н а . Я страдаю от ревности. Конечно, вы доктор [факт], вам нельзя избегать женщин [суждение]. Я понимаю...	ポリーナ わたし、嫉妬でくるしいのよ。そりゃ、あなたは医者さんだから、婦人を避けるわけにはいかない。それはわかるけれど.....
А р к а д и н а (<i>дрожь</i>). Нет, нет... Я обыкновенная женщина [факт], со мною нельзя говорить так... [оценка] Не мучай меня, Борис...	アルカージナ (ふるえながら) 厭、厭。.....わたしは平凡な女だから、そんな話は、お門ちがよい。.....いじめないで、わたしを、ポリース。

У этого русского коммуникативного хода, конечно, есть этакый промежуточный эквивалент в японском – *n(o)da*. Не являясь однозначным показателем обусловленности, он маркирует высказывание, выделяемое самим говорящим как своя позиция, либо как обоснование, сильный аргумент:

П о л и н а А н д р е е в н а . Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши.	ポリーナ しめっぽくなってきたわ。引返して、オーバーシューズをはいてもらしたら？
Д о р н . Мне жарко [и больше объяснять вам я ничего не желаю].	ドールン 僕は暑い <u>い</u> んです。

Так что в принципе эта речевая тактика не чужда японским коммуникантам, однако, во всяком случае, на изучаемом отрезке языковой действительности несколько не доминирует, если сравнить число вхождений *noda* и *kara*.

Логическим продолжением такой коммуникативной тактики становится и производный вариант употребления инициального японского *dakara*, потерявшего способность трансформироваться в *desu kara* как результат грамматикализации, а вернее, прагматикализации [Maynard 1998]. Говорящий не просто указывает на связь двух отрезков высказывания, а помечает своего рода петлю в собственной аргументации, после предъявленных свежих доводов еще раз подтверждая ранее уже озвученный тезис. В сравнении повтор такого же отрезка в русском, лишенный каузальной маркировки, звучит как простое упрямство (дополнительно избегает этого переводчик лексической меной):

Н и н а . <u>Заприте двери</u> , а то войдут.	ニーナ ドアの錠をおろして。 <u>はいってくと困るわ</u> 。
Т р е п л е в . Никто не войдет.	トレープレフ 誰も来やしない。
Н и н а . Я знаю, Ирина Николаевна здесь. [именно поэтому я и попросила вас только что –] <u>Заприте двери</u> ...	ニーナ 知ってるわ、アルカージナさんが来てること。 <u>だから</u> 閉めて.....

Пожалуй, лишь в одном примере этому ходу в японском подбирается словесное воплощение и в оригинальном тексте – в лице *так вот*, привносящего элемент нетерпеливого, раздраженного объяснения:

С о р и н . Через двести тысяч лет ничего не будет.	ソーリン 二十万年したら、なんにもないさ。
Т р е п л е в . <u>Так вот</u> [чем все эти дебаты] пусть изобразят нам это ничего.	トレープレフ <u>だから</u> 、そのないところを見させるんですよ。

Еще один специфический случай употребления японских коннекторов представляет финальная позиция, когда говорящий указывает на существование некоего вывода из произнесенного, но не называет его. По форме это сходно с куда более маргинальным употреблением в русском, когда аргументация как бы замирает, затухает, не достигая цели. Но из контекстов понятно, что мотивы стеснения, неловкости, тактичности, которые заставляют так вести себя русских коммуникантов, довольно далеки от значительно более дежурного употребления этого коммуникативного хода в случае японского. В переводе чеховской пьесы он, как и рассмотренные выше примеры, приспособливается к случаям нулевой маркировки в русском, где говорящий руководствуется диаметрально противоположными соображениями:

Аркадина. (...) (Якову.) Я дала рубль повару. Это на троих [так что возьмите у него, а он пусть не зажимает все себе/ <u>так что</u> вам мне сейчас нечего дать].	(ヤーコフに) コックさん一ルーブリ渡しましたよ。あれは三人分だからね。
---	--------------------------------------

Здесь Аркадина не утруждает себя проговариванием того, к чему она сказала фразу. В японском такое кардинальное сокращение, видимо, недопустимо, так как приведет к потере релевантности всего высказывания. Но, добавляя причинное *kara*, не разрешающееся в итоге эксплицитным выводом, коммуникант по сути ведет себя так же; конкретным же прагматическим содержанием эта искусственная недосказанность будет наполняться по соотношению социальных сил и весов общающихся (см. меню на *node* ниже). Любопытно обратить внимание на стандартное маркирование этой иллюкутивной причинности в восстановленных вариантах фраз – всегда до *так вот*:

Тригорин (оглянувшись). Остановитесь в «Славянском Базаре»... Дайте мне тотчас же знать... Молчановка, дом Грохольского... Я тороплюсь... [так что не настаивайте на продолжении разговора] (<i>пауза</i>)	トリゴリン (ちらと後ろを振返って) 宿は、「スラヴヤンスキイ・バザール」(訳注 モスクワの有名なホテル)になさい。.....そしてすぐ僕に知らせて.....モルチャーノフカ、グロホーリスキイ館。.....いまは急ぐから.....(間)
Шамраев. Письмецом бы осчастливили [так что напишите!]! Прощайте, Борис Алексеевич!	シャムラーエフ ちよいと一筆お手紙を頂きたいもので! ご機嫌よう、トリゴリンさん!

В препозиции к побуждению причинная клауза появляется лишь однажды:

Полина Андреевна. Милый Костя, хороший, [а раз вы такой хороший, как я вас квалифицирую, то] будьте поласковее с моей Машенькой!..	ポリナねえ、可愛いコースチャ、いい子だから、うちのマーシャに、もう少し優しくしてやってくださいね!
--	---

Зато здесь переводчику удастся нащупать устойчивую тактику увещевания на японском. Для русского коммуниканта она не лежит на поверхности ввиду бессознательного соединения, а становится явной лишь в результате интроспективного анализа реплики. Так, именно перевод вскрывает суть коммуникативной тактики комплимента, цель которой – добиться от собеседника действий в пользу говорящего уже вне дискурсивного плана.

Помимо *kara* и его производных преобладающий ноль в русском оригинале имеют и другие единицы – в частности, *wake*, маркирующий указание подразумеваемого вывода, а не просто обоснование озвученного тезиса. Особенность такого инструмента структурирования – в том, что нередко он охватывает значительные отрезки текста. Примечательно, что в японском неразмеченной остается одна лишь из двух связей между отрезками, каждый из которых последовательно раскрывает содержание предыдущего, а в русском – обе:

Дорн. [Нет, не пустяки.] ← [Вино и табак обезличивают.] ← [После сигары или рюмки водки вы уже не Петр Николаевич, а Петр Николаевич плюс еще кто-то; у вас расплывается ваше я, и вы уже относитесь к самому себе, как к третьему лицу – он].	ドールン [いや、くだらんどころじゃない。]← [酒とタバコは、個性を失わせますよ。]← [シガー一本、ウオトカー一杯やったあとのあなたは、もはやソーリン氏ではなくて、ソーリン氏プラス誰かしら、なんです。自我がだんだんぼやけて、あなたは自分に対して、あたかも第三者——つまり“彼”に対するような態度になる]わけです。
--	--

При прямом порядке в констативных высказываниях японским показателям причинной связи чаще всего соответствует не ноль, а соединительное *и* (И) с очень широким спектром значений, описываемых в общем как отсутствие противоречивости между двумя описываемыми событиями. Задачу детализации логической связи, которая в случае русской коммуникации возлагается на адресата высказывания, в японском переводе в подавляющем большинстве случаев считает необходимым взять на себя переводчик:

Н и н а . Нельзя, вас заметит сторож. Трезор еще не привык к вам <u>и</u> [поэтому] будет лаять.	ニーナ だめ、番人にみつかるわ。それにトレゾールは、まだお馴染みじゃないから、きっと吠えてよ。
--	---

Прагматическое различие, практически не ощущаемое в русском, – в большей фокусации на причину при использовании *kara* (по сравнению с *-te*).

Идеальная среда для русского И – те случаи, когда не нужно акцентироваться на причинной связи между описываемыми событиями, она и так очевидна. Недаром одним из соответствий является *mondakara*, дефокусирующее внимание к причинности между отрезками, чья связь не составляет новости:

Н и н а . Это усадьба моей покойной матери. Я там родилась. Я всю жизнь провела около этого озера <u>и</u> знаю на нем каждый островок.	ニーナ あれが、亡くなった母の屋敷です。わたし、あすこで生れたの。それからずっと、この湖のそばで暮しているものだから、どんな小さな島でもみんな知っていますわ。
---	---

От И-«поэтому» (*kara*) отличается И перечисления (*soshite*), И (обусловленного) следования, эквивалентное *suruto*, и И-«и в конце концов», выделяемое *sorede*:

Нина. Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, <u>и</u> [в то же самое время также] никто не слышит...	ニーナ わたしは孤独だ。百年に一度、わたしは口をあけて物を言う。そしてわたしの声は、この空虚のなかに、わびしくひびくが、誰ひとり聞く者はない。.....
Нина. Ничего, мне легче от этого... Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в сад, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, <u>и</u> [благодаря этому сразу] у меня отлегло, стало яснее на душе. Видите, я уже не плачу.	ニーナ いいの、これで楽になるわ。.....わたし、もう二年も泣かなかった。ゆうべおそく、こっそりお庭へは行って、あのわたしたちの劇場が無事かどうか、見に行きました。あれは、まだ立っていますわね。それを見たとき、二年ぶりで初めて泣いたの。すると胸が軽くなって、心の霧が晴れました。ほらね、わたしもう泣いていないわ。
Нина. Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, <u>и</u> [в итоге к концу концов] мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом...	あの人は芝居というものを信用しないで、いつもわたしの夢を嘲笑してばかりいた。それでわたしも、だんだん信念が失せて、気落ちがしてしまったの。

Единичны, хотя и существуют случаи, когда И связывает иллокутивно разнородные элементы – обоснование речевого акта и сам речевой акт:

Я приказал подавать лошадей к часу, в одно время <u>и</u> выедем.	一時に馬車を回すように言いつけたから、いっしょに出かけよう。
---	--------------------------------

Пожалуй, в сочетании с перформативным глаголом отсутствие союза воспринималось бы в русском как чересчур рубленый стиль, хотя японский, по-видимому, такого различия не делает:

А р к а д и н а . Для тебя наслаждение говорить мне неприятности. Я уважаю этого человека <u>и</u> <u>прошу</u> при мне не выражаться о нем дурно.	アルカージナ お前は、わたしに嫌がらせを言うのが楽しみなんだね。わたしはあの人を尊敬している <u>のだから</u> 、わたしの前じゃあの人を悪く <u>言わない</u> でもらいたいね。
--	--

Есть, впрочем, сферы, где ни обнуления, ни «размытия» показателя причинной связи (как в случае с *и*) не происходит. В частности, это фрагменты, где речь идет о самой причинной связи и она, соответственно, становится актантом предиката, иначе говоря, подчиняется верхнему оператору. В этом случае в обоих языках фигурирует тот самый показатель, который (отчасти именно поэтому) и считается базовым (пара, потому что – *kara*):

Т р е п л е в ... Дядя, что может быть отчаяннее и глупее положения: бывало, у нее сидят в гостях сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только один я – ничто, и меня терпят только <u>потому</u> , что я ее сын.	トレプレフ ね伯父さん、これほど情けない、ばかげた境遇があるもんでしょうか。おっ母さんの客間には、よく天下のお歴々がずらり顔をならべたもんです——役者とか、文士とかね。そのなかで僕一人だけが、名も何もない雑魚なんだ。同席を許してもらえるのも、僕があの人の子 <u>だから</u> というだけのことに過ぎん。
---	---

Способы перевода эксплицитно маркированной причинности

В свете обозначенной тенденции к повышенному маркированию причинности в японском особое внимание привлекают обратные случаи, когда эксплицитно маркированная в оригинале причинность в японском переводе оказывается понижена в ранге до бессознательного соединения или различных соединительных (конвербных) форм с широким синкретическим значением «следования» (см. пример с *-te*, правда, из авторской ремарки):

Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, <u>так что</u> озера совсем не видно.	広い並木道が、観客席から庭の奥のほうへ走って、湖に通じているのだが、家庭劇のため急設された仮舞台にふさがれて、湖はまったく見えない。
--	--

Это, по идее, должно проливать свет на возможность выражения *-te* (а следовательно, и достаточность ее для выражения) причинной связи в условиях неволевого характера действия в главном предложении [Maeda 2009].

Другой русский коннектор, устойчиво «недомаркируемый» в японском, – *a to*. Ему свойственна усложненная семантическая структура, сочетающая причинный и условный компонент («надо сделать А, потому что если не сделать А, то наступит негативное следствие Б») [Левонтина 2013]. Хотя для полного выражения этого отношения в японском существует специальный показатель так называемой негативной условности *samonakereba*, примеров его употребления мы почти не видим ни в переводе пьесы, ни в общем корпусе. Вместо этого переводчик настойчиво выбирает средства, подавляющие часть этой семантики – например, просто привлекающее внимание к новой информации *yo*:

П о л и н а А н д р е е в н а (Дорну). Вы сняли шляпу. Наденьте, <u>a to</u> простудитесь.	ポリーナ (ドールンに) まあまあ、帽子をぬいで！さあさ、おかぶりなさい、風邪を引きますよ。
Д о р н . Полагаю, теперь можно поднять занавес, <u>a to</u> жутко.	ドールン もう幕をあげてもいいでしょうな、 <u>どうも</u> 気づまりでいかん。

Полина Андреевна (стучит по столу). Пожалуйста, господа. Не будем терять времени, a to скоро ужинать позовут.	ポリーナ (机をたたく)さ、いかが、皆さん。時間が 無駄ですよ、ぐずぐずしていると、お夜食をしらせに来 ますわ。
--	--

Интересно, как в примере несколько раньше, где Нина просит Треплева закрыть двери, внедрение *dakara* фактически происходит за счет не нашедшегося эквивалента для *a to* при первой итерации побуждения. Получается, что переводчик неосознанно делает выбор в пользу более эффективного для японских коммуникантов маркирования из ограниченного числа таких альтернатив, которые не угрожали бы загромождать текст!

Конечно, вряд ли скудный материал с избеганием перевода *a to* позволил бы сравнивать, русские или японцы в большей степени делают все сугубо из-под палки. Но то, что в русскоязычном общении апеллирование к возможным негативным результатам используется относительно чаще для побуждения партнера к действию, из представленных данных явствует со всей полнотой.

Как видно из таблицы 2, не покрывается в японском переводе показателями причинности и большинство вхождений русского *ведь* (притом переводчик лишь в 1/8 случаев следует совету словаря). Это отчасти также связано с расстыковкой между языками, о которой шла речь ранее. Дело в том, что каузальность – лишь один из компонентов значения русского *ведь*, наряду с активацией («вызовом») фоновых знаний и представлений коммуникантов. При этом говорящий может использовать этот уже известный («ведомый») тезис как для собственного принятия аргумента, так и для навязывания его адресату, что проявляется в наборе обнаруживаемых в переводном тексте эквивалентов, от модусных наречий с сильным элементом эмоционально-оценочной реакции на вновь открывшийся факт (*masaka, naruhodo, na(a)ni*), и до призывов принять тезис – без логического пояснения! Например, *ja arimasen ka, datte* или же просто «провоцирующего согласие» *ne*, а также их сочетания:

Аркадина (нежно). Помиришь и с ним. Не надо дуэли... Ведь не надо?	アルカージナ (やさしく)あの人とも仲直りしてね。決闘なんぞいるものかね。..... <u>ね</u> 、そうだね。
Треплев. Хорошо...	トレプレフ え、いいです。
Шамраев (дразнит). Лошадь... домой... (Строго.) Сама видела: сейчас послали на станцию. Не гонять же опять.	シャムラーエフ 今しがた停車場へ行って来たばかりだ。そうそうこき使うわけにはいかん。
Маша. Но ведь есть другие лошади...	マーシャ ほかの馬 <u>だってあるじゃないの</u> 。

Компонент каузальности (в указании на роль последующего отрезка как обоснования предыдущего) в примерах выше подавляется. Но в других случаях возникающее при этом расщепление между различными единицами каузального и дискурсивного значения *ведь* порождает некое подобие довольно пространных рамочных конструкций, о которых речь уже шла выше:

М е д в е д е н к о. Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись.	メドヴェージェンコ そりゃ、理論ではね。だが実際となると、そうは行かない。僕に、おふくろ、妹がふたり、それに小さい弟——それで月給がただの二十三ルーブリ。 <u>まさか</u> 食わず飲まずでもいられない。お茶も砂糖もいります <u>ね</u> 。タバコもいる。 <u>そこで</u> ギリギリ舞いになる。
---	---

Наконец, те относительно менее распространенные случаи, когда используется «каноническое» русское выражение причины, «как в словаре», оказываются привязаны к идее

парадоксальности – речь идет о неожиданной причинности, противоречащей поверхностной (и неверной) логике:

Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, <u>потому что</u> это свободно льется из его души.	そう、おれはだんだんわかりかけてきたが、問題は形式が古いの新しいのということじゃなくて、形式なんか念頭におかずに人間が書く、それなんだ。魂のなかから自由に流れ出す <u>からこそ</u> 書く、ということなんだ。
--	--

Типологически, может быть, не столь уж и исключительный, перед нами явный парадокс своего рода весьма не прямой коммуникации.

Коннектор как инструмент индивидуализации

Нагруженный процедурной информацией об оценках и представлениях автора, коннектор в крайне компактном тексте драматического произведения служит мощным инструментом индивидуализации. Возьмем пример «резонерского» *dakara*, которое чаще прочих встречается в репликах Треплева (4), из них 3 в самой «рьяной» инициальной позиции во всей реплике:

Сорин. Без театра нельзя.	ソーリン 劇場がないじゃ、話になるまい。
Треплев. [именно поэтому я говорил то, что говорил – тогда как ваш тезис – лишь подводка к моему] Нужны новые формы.	トレプレフ <u>だから</u> 、新しい形式が必要なんですよ。

Здесь *dakara*, оставаясь маркером причинности, выступает практически как возражение! Сходное употребление наблюдаем с пьющей Машей:

Тригорин. Мне самому не хочется уезжать.	トリゴリン わたしだって、発ちたくはないんだが。
Маша. <u>А</u> вы попросите, чтобы она осталась.	マーシャ <u>だから</u> あの人に、もっといようにお頼みになったら。

Подобные случаи интересны тем, как в русском преимущественно «подсвечивается» контрастность, а о логических механизмах адресату предлагается догадаться самому (более того, в японском оба коммуниканта апеллируют к логике – каждый к своей, – но в русском этого не видно!).

У Аркадиной, где оно появляется 3 раза, роль *dakara* несколько другая, оно менее полемично, соединяет ее же фразы и лишь призвано напомнить собеседнику «возможно утраченную» логику. Так разговаривает человек, который тоже стремится добиться понимания, но меньше нервничает из-за того, что ее не услышат.

Напротив, в речи старших героев мужского пола видим *nanishiro*, замедляющее и утяжеляющее рассуждения – примерно с тем же эффектом, что дает в оригинале мало свойственное устной речи *так как*:

Тригорин. И никто не знает вашей настоящей фамилии, <u>так как</u> вы печетесь под псевдонимом.	トリゴリン ...みんな、どうしたわけか、あなたを年配の人のように思っている。それに誰ひとり、あんたの本名を知る者がいない。 <u>なにしろ</u> あんたは、いつもペンネームで発表するもの <u>だから</u> 。
---	--

Дорн. Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... <i>(берет Тригорина за талию и отводит к рампе)</i> ... так как я очень интересуюсь этим вопросом...	これに二カ月ほど前、ある記事が載りましてね.....アメリカ通信なんですが、ちょっとあなたに伺いたいと思っていたのは、なかでもその.....(トリゴーリンの胸に手をかけ、フットライトのほうへ連れてくる)..... <u>なにしろ</u> 僕は、その問題にすこぶる興味があるもので.....
--	--

Созданию выразительных образов служит и использование *n(o)de*, изначально заточенного под те случаи, где говорящий апеллирует не к своим личным представлениям о связи событий, а объективной логике, внешней по отношению к ситуации общения. Примечательно, как в первую очередь благодаря сокращенной версии коннектора удастся добиться того самого двойного эффекта, который слово получает в устах социально зависимых персонажей, выставляющих свою некооперативность под соусом объективных соображений:

С о р и н . Я слышу, опять воеет собака. <i>(Шамраеву.)</i> Будьте добры, Илья Афанасьевич, прикажите отвязать ее.	ソーリン ほら、また犬が吠えている。(シャムラーエフに)お願いだが、なあシャムラーエフさん、あの犬を放してやるように言ったださらんか。
Ш а м р а е в . Нельзя, Петр Николаевич, боюсь, как бы воры в амбар не забрались. Там у меня просо.	シャムラーエフ 駄目ですな、ソーリンさん、穀倉に泥棒がはいると困りますからな。なにしろわたしのキビが納めであるんでね。

См. случай, где коннектор позволяет компенсировать иначе потерянную бы едва заметную развязность в самой конструкции полувопроса слуги:

Я к о в <i>(убирая со стола)</i> . Удочки тоже прикажете уложить?	ヤーコフ (テーブルの上を片づけながら) 釣り竿もやはり入れます <u>んで</u> ?
--	--

Далее, Тригорину в переводе пьесы достается больше других *mon(o)de*, что представляет его таким извиняющеся-оправдывающеся-выкручивающимся:

Н и н а . Что это вы пишете?	ニーナ なに書いてらっしゃるの?
Т р и г о р и н . Так, записываю... Сюжет мелькнул...	トリゴーリン ちょっと書きとめとくんです。.....題材が浮んだ <u>もので</u> ね。

А Дорн, безусловно, лидирует по части нагруженных скрытыми логическими связями предложений, которые переводчик, имея задачу помимо фактуры восстановить и сложный социально-культурный бэкграунд действия, «расшифровывает» местами столь удачно, что благодаря переводу, думается, многие читатели бы только и задумались о том, какое именно логическое устройство неявно работает в тексте (а может быть, и поймали бы себя на мысли, что чаще этот стереотип непрямого изложения механически применяли к коммуниканту-японцу):

Д о р н <i>(пожав плечами)</i> . Что ж? В отношении женщин ко мне было много хорошего. Во мне любили главным образом превосходного врача. [и вот почему] Лет 10—15 назад, вы помните, во всей губернии я был единственным порядочным акушером. Затем всегда я был честным человеком.	ドールン (肩をすくめて) へえね? 婦人がたは、結構僕を尊重してくれましたよ。それも主として、腕のいい医者としてでしたな。十年、十五年まえには、ご承知のとおりこの僕も、郡内でたった一人の、産科医らしい産科医でした <u>からね</u> 。それに僕は、実直な男だったし。
--	---

Выводы

Итак, какие же выводы позволяют сделать полученные данные? Основная тенденция, проступающая из произведенных сравнений, – это существенная асимметрия в языковом выражении отношений причинности в русском и японском общении. При относительно ровном взаимном распределении более периферийных средств выражения этой категории обусловленности, несущих больший набор дополнительных сем, стержневым японским единицам наиболее частотно соответствует в русском отсутствие языкового выражения (ноль) или единица с куда более расплывчатым, «широким» значением (И). За этим, помимо сугубо структурных факторов, связанных прежде всего с расположением частей предложения, как мы убедились, стоят различные речевые тактики русского и японского коммуникантов.

Вообще, среди заключительных замечаний самое место стандартным оговоркам касательно ограниченности выбранного объекта исследования. Она видна уже по числу отсутствующих в тексте пьесы единиц из первой таблицы, которые относятся к таким разновидностям устной и письменной речи, с которыми бытовая разговорная речь имеет некие контрастирующие параметры. Это означает, что, во-первых, принадлежность к определенному функциональному стилю совершенно справедливо считается одной из значимых характеристик коннектора и должна фигурировать в его исчерпывающем описании. Во-вторых же, отсюда следует необходимость расширения жанровой направленности материала для более полного описания.

Но тем не менее ценность нашего материала в том, что коммуниканты в русском оригинале и японском переводе не существуют в разных временных и социальных срезах, это одни и те же персонажи (в некотором приближении, конечно), на перформативном уровне (с точки зрения просчитываемого эффекта от сказанного) они добиваются одних и тех же целей. Они лишь пользуются в идентичных ситуациях такими языковыми средствами, которые должны представляться им адекватными ситуации общения, чем обеспечивается уровень прагматической эквивалентности перевода. То есть, говоря о причинности на примере данного конкретного материала, мы не вправе вдаваться в рассуждения о том, что герой стремится быть более понятным, любезным к собеседнику, как делал бы некий идеализируемый, «аутентичный» японец. Им движет то же самое желание навязать свою волю, изменить представления контрагента, добиться его действия или сочувствия. Следовательно, мы можем предполагать, что предъявленный арсенал речевых средств показывает, как одних и тех же целей можно добиться различными способами в русском и японском общении. И основная тенденция такова: там, где японец апеллирует к причинности, русский оставляет логику на ответственность адресата, максимум – грозит дубиной санкций. В России царит «слушай/действуй, а выводы сделаешь сам», в Японии «я тебе все объяснил, и что ты еще найдешь возразить».

Сам по себе диктат логики, некого общепринятого, конвенционального стандарта, думается, едва ли прозвучит как нечто новое для человека с опытом общения с носителями японского языка, знающего, какую особую реакцию вызывают в этой среде концепты-фетиши *ルール* (правил, неких – кем-то(!) – прописанных норм), *常識* (здравого смысла, также воспринимаемого как нечто усредненное и само собой разумеющееся). Тем не менее степень проникновения логики каузальности в повседневное общение, будучи сравнена с параллельным образцом, мягко говоря, удивляет. Случай конкуренции с контрастивными контекстами, например, выпукло показывают, насколько даже в конфликтной зоне японский коммуникант, чтобы укрепить свои позиции, старается добиться доминирования над собеседником именно «на поле» логики.

Русский коммуникант в свете выявленных тенденций более автономен и ожидает того же от партнера, это становится своеобразным «антиэтикетом» общения. Напротив, в стремлении аккомодировать визави японец, переходя в его роль, сам оказывается довольно беспомощен – уже не только как расхожая риторическая ужимка, но и на самом деле. Что помогает этим интерзависимым субъектам худо-бедно сосуществовать в построенном на этом принципе сообществе? Если не солидарность, то дотошная скоординированность, предписанность и дисциплина. И это вовсе не одно и то же.

Конечно, японскому языку, японской коммуникации остаются лавры «высококонтекстных», или «имплицитных» [Hall 1959]. Подтверждения этому на языковом материале обширнейшие, хотя бы если взглянуть на механизм зачеркивания анафорических выражений [Чиронов 2013]. Но в чем, пожалуй, готов потягаться с ними (и попрекствовать на статус трудно понимаемого) язык русский, – так это в том, что в рамку «КОН-текста» [ван Дейк 2000], оказываются вписаны совсем другие вещи. Это уже не знания о реальности, в том числе социальной, а конкретные сценарии поведения конкретных участников коммуникации в конкретной ситуации, включая объяснения их речевого поведения. В этом смысле не исключено, что стресс расшифровывания таких загадок, броня группизма, облицовываемая ими, еще тяжелее для русского коммуниканта, чем пресловутая «топь» японской недосказанности и вязкой предопределенности всего и вся.

Обратная сторона этого – эффект излишнего покровительства, который русский коммуникант не может не чувствовать в строении речевых произведений японца. Он сызмальства привык «навигировать» в этих не слишком размеченных водах взаимной «угадайки», и ему кажутся неоправданными четкие указания на многие связи, которые он сам готов был бы оставить «за бортом». Кстати, делая поправку на объективное «старение» чеховских текстов (которые при этом умудряются сохранять чрезвычайно напряженное, современное звучание), можно по-прежнему утверждать, что даже коррекция на «разговорный» вариант, который кажется автору интуитивно более естественным с точки зрения языка первых двух десятилетий ХХI в., вводит в проблемные, «нулевые» узлы не однозначные выражения причины, а опять-таки своеобразные дискурс-маркеры «фокусирующей» когорты, типа *ну, вот*. Получается, русский коммуникант, как и прежде, не опускается до экспликации связи между релятами, но вместо этого маркирует смещение фокуса по мере развертывания «словесных лепестков». Попутно в русском даже коннекторы с причинным значением получают «второе дно» дискурсивных функций, говорящий протаскивает свои тактики через показатели причинности, просто выражать ее «не принято» и «скучно». В этих условиях коннекторы оказываются еще более нагружены дополнительной процедурной информацией, и их выбор позволяет воссоздать иначе трудноуловимые нюансы коммуникативного поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Басс И.И. Русский союз а и его японские эквиваленты. Японский язык в вузе: Актуальные проблемы преподавания. Вып.12. Москва: Ключ. 2015. С. 3–16.
- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 2000. 308 с.
- Инькова О. Ю. Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. Москва: Языки славянской культуры. 2019. 377 с.
- Левонтина И. Б. О причинном значении союза а то // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 12. Диалог-13. 2013. С. 434–446.

- Нестеренко Л. В. Мультиязычные параллельные корпуса: новый источник данных для типологических исследований, перспективы использования и проблемы // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 111–125.
- Семантика коннекторов: контрастивное исследование / под науч. ред. О.Ю. Иньковой. Москва: Торус-Пресс 2018. 396 с.
- Структура коннекторов и методы ее описания / под науч. ред. О.Ю. Иньковой. Москва: Торус-Пресс. 2019. 316 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Том 12. Москва: Наука. 1986. 520 с.
- Чиронов С.В. Опыт русско-японского контрастивного анализа в аудитории (на примере указательных выражений) // Японский язык в вузе: Актуальные проблемы преподавания. Вып. 9. Москва: Ключ. 2013. С. 132–149.

REFERENCES

- Russkii soyuz a i ego yaponskie ekvivalenty [Russian connective A and its Japanese equivalents] In *Yaponskii yazyk v vuze: Aktual'nye problemy prepodavaniya* LU:AIE, Issue 12 (pp. 3–16). oscar:y (In Russian).
- Chironov, S.V. (2013) Opyt rusско-yaponskogo kontrastivnogo analiza v auditorii (na primere ukazatel'nykh vyrazhenii) [An Essay in Russian-Japanese Contrastive Analysis in Class] In *Yaponskii yazyk v vuze: Aktual'nye problemy prepodavaniya* Japanese Language in University: Actual Issues in Education, Issue (pp. 132–149) Moscow: Klyuch. (In Russian).
- In'kova, O.Yu. (Ed.). (2018). *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of Connectives: A Contrastive Study]. Moscow: Torus Press. (In Russian).
- In'kova, O.Yu. (Ed.) (2019a). *Struktura konnektorov i metody ee opisaniya* [Connectives Structure and Methods of Its Description]. Moscow: Torus Press. (In Russian).
- In'kova, O.Yu. (Ed.) (2019b). *Svyaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya* [Text Cohesion: Mereologic Relations]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).
- Levontina, I.B. (2013) O prichinnom znachenii soyuza a to [Causal Meaning in Connective A TO] In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, Issue 12 (pp. 434–446). Dialog-13. (In Russian).
- Nesterenko, L.V. (2019). Mul'tiyazychnye parallel'nye korpusa: novyi istochnik dannykh dlya tipologicheskikh issledovaniy, perspektivy ispol'zovaniya i problemy [Multilingual Parallel Corpora: A New Data Source for Studies in Typology, Prospects of Use, and Issues]. *Voprosy yazykoznaneya*, 2, 111–125. (In Russian).
- van Dejk, T.A. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene. (In Russian).

* * *

- Alpatov, V.M., Podlesskaya, V. I. (2020). Converbs in Japanese. In *Converbs in Cross-Linguistic Perspective* (pp. 465–486). De Gruyter Mouton.
- Altenberg, B. (1999). Adverbial Connectors in English and Swedish: Semantic and Lexical Correspondences. *Language and Computers*, 26, 249–268.
- Austin, J.L. (1962). *How to Do Things With Words*. Cambridge: Harvard University Press.
- Blakemore, D. (2002). *Meaning, Relevance, and Discourse: The Semantics and Pragmatics of Discourse Connectives*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511486456>
- Hall, E.T. (1959). *The Silent Language*. New York: Doubleday & co., Garden City.

- Hohenstein, C. (2005). Interactional Expectations and Linguistic Knowledge in Academic Expert Discourse (Japanese/German). *International Journal in the Sociology of Language*, 175/176, 285–306.
- Kanzai, A. (Transl.). *Anton Chēhofu “Kamome”* [Anton Chekhov. The Seagull]. Retrieved February July 22, 2019, from https://www.aozora.gr.jp/cards/001155/files/51860_41507.html (In Japanese).
- Maeda, Naoko. (2009). *Nihongo-no fukubun jōkenbun to gen'in, riyūbun no kijutsuteki kenkyū* [Compound Sentence in Japanese: Descriptive Studies of Causal Sentence]. (In Japanese).
- Maynard, Senko K. (1998). *Principles of Japanese Discourse. A Handbook*. Cambridge University Press.
- Nihongo kijutsu bunpō kenkyūkai. (Eds.). (2008). *Gendai nihongo bunpo. 6 dai. 11 bu. Fukubun* [Modern Japanese Grammar. Vol. 6. Part 11. Compound Sentence]. Kuroshio shuppan. (In Japanese).
- Togo, M., et al. (Eds.). (2003). *Kenkyūsha rowa jiten* [Kenkyusha Russian-Japanese Dictionary]. 17th edition. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 13.02.2023

Received: 13.02.2023

Принята к публикации: 22.04.2023

Accepted: 22.04.2023